

В. А. БИГУАА¹

ПУБЛИЦИСТИКА ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

В статье исследуются особенности творческого пути Фазиля Искандера с 1950-х годов, эволюция его художественного сознания, место публицистики в наследии писателя. Объектами анализа стали некоторые статьи, эссе и интервью Ф. А. Искандера, в частности эссе «Ценность человеческой личности», статья «Человек идеологизированный». В публицистике автор открыто рассуждает о советском и постсоветском времени, о свободе как о важнейшем необходимом элементе человеческого бытия, творческой личности, о таких проблемах, как личность и власть, личность и общество, идеология и человек, эволюция и революция, рационализм и духовные основы и т. д. В работе показаны характерные черты философских взглядов Искандера, которые местами сравниваются с концепциями Н. А. Бердяева; подчёркивается, что изучение публицистики писателя имеет большое значение для понимания художественного мира его произведений — стихов, рассказов, повестей и романа «Сандро из Чегема».

Ключевые слова: Ф. А. Искандер, публицистика, философские взгляды, свобода, ценность человеческой личности, человек и власть, духовные основы.

Не ошибусь, если скажу, что многие судят о взглядах Фазиля Искандера, не зная его публицистики. С моей точки зрения, исследование творчества писателя, художественного мира его произведений следует начинать с изучения публицистики автора.

При его жизни те или иные группы людей, интеллигенции часто хотели услышать от него «нужные слова», особенно когда речь заходила о национальных, политических и других острых проблемах, о патриотизме и т. д. Одни считали (считают и сегодня) Искандера «нашим» писателем, другие — «не нашим». Это иногда сопровождается политическими спекуляциями. Но несомненно одно: Фазиль Искандер относится к числу крупнейших писателей второй половины XX — начала XXI в.

По языку письма он прежде всего принадлежит к русской литературе, вместе с тем его никак не оторвёшь от истории абхазской культуры (в широком смысле этого слова), без знания которой вряд ли возможно глубокое

¹ Вячеслав Акакиевич Бигуаа — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, (Москва, Российская Федерация); lit-sng@mail.ru

понимание поэтики Искандера. Кстати, вопрос о принадлежности писателя к той или иной литературе временами задавали ему собеседники и читатели во время многочисленных встреч с ним в конце 1980–1990-х гг. Я сам лично пытался не пропускать их. В одной беседе с Искандером писатель Даур Зантария спросил: «Мы тут всё время говорим об Искандере в контексте русской литературы. Но многие твои соотечественники рьяно настаивают на том, что “наш Фазиль” — русскоязычный абхазский писатель». Фазиль Абдулович ответил: «Я ничего против этого не имею, но всё-таки принадлежность писателя определяет язык. Поэтому я говорю, что я — русский писатель, но певец Абхазии...» [3, 1–2]. А в другом интервью, опубликованном в журнале «Этносфера» в 1997 г. [10, 18–19], писатель говорил по поводу своей национальности и своего творчества: «Я никогда не испытывал какого-то национального ущемления — ни в школе, ни в московских институтах. Для меня в моей личной судьбе национальный вопрос никогда не стоял остро. Я чувствовал себя абхазцем. Персидского языка я никогда не слышал. Дома говорили либо на русском, либо на абхазском языке...»; «Писатель принадлежит тому языку, на котором он пишет. Некоторые абхазские патриоты полагают, что я должен считать себя абхазским писателем, хотя это неверно. Я русский писатель, но певец Юга и Абхазии, ведь когда-то Абхазия была югом России. Сейчас, правда, внешний рисунок страны изменился, но психику свою я не могу изменить. Так я себя воспринимал и воспринимаю».

Фазиль Искандер принадлежал к числу тех немногочисленных последовательных и стабильных во взглядах писателей, которые не держали нос по ветру, не перестраивались в угоду времени, не переходили из одной крайней точки зрения на другую. Он не был среди тех представителей творческой интеллигенции, которые в прошлом жили и творили в гармонии с властью, а в 90-е поливали грязью историю своей страны, воспевали новую власть, а порою ради материальной выгоды спевались с криминальным бизнесом. Нельзя верить писателю, который без глубокого осмысления реальностей легко меняет свои взгляды.

Главная особенность Ф. Искандера — эволюционное развитие его взглядов на мир. Он всегда (и в советское, и в постсоветское время) старался быть внутренне свободной личностью, честным перед собой и перед читателями. Это ценили даже его противники и признавали значимость писателя в литературном процессе, хотя не были согласны с его позицией по многим вопросам.

Писателя не понимали и те (представители грузинской интеллигенции), которые обвинили его в «сепаратизме»¹, и те (некоторые земляки)², которые считали, что он потерял чувство родины, патриотизма, когда якобы долго и

¹ Например, Т. Чантурия в статье «Абхазия настоящая и Абхазия выдуманная», опубликованной в грузинской газете «Литературиლი сакартвело» (1989. 5 мая), обрушивался на автора «Сандро из Чегема», причисляя его к «ренегатам», «сепаратистам», «апологетам кровопийства и каннибализма», извращая при этом историю Абхазии и её народа (см. об этом также: газ. «Бзыбь». 1989. 14 сентября).

² Кстати, земляки Искандера поддержали его после публикации в 1966 г. сатирической повести «Созвездие Козлотура» в журнале «Новый мир» (№ 8), с которой, можно сказать, начались и проблемы писателя с властью. (См. отрывок письма группы представителей абхазской интеллигенции в «Новом мире» /1966. № 12. С. 270/, а также статью М. Ласурия «По правде жизни» /1966 г./ [8, 167–174]).

упорно молчал во время первого грузино-абхазского конфликта в 1989 г., а также войны в 1992–1993 гг. в Абхазии. Но это не совсем так, об этом свидетельствуют его статьи, эссе и интервью конца 1980-х — первой половины 1990-х гг.¹

Писатель не мог молчать, он переживал за судьбы родного народа и родины, певцом которых считал себя. Вместе с тем он не унизил, не оскорбил и грузинский народ. В статьях и интервью Ф. Искандер приводит факты из реальной жизни советской Абхазии 1920–1990-х гг.; он сам свидетель многих исторических событий (закрытие абхазских школ, запрещение абхазского языка, насильственная ассимиляция и т. д.).

Становление Ф. Искандера происходило в 50–60-е годы. Его мастерство и мировоззрение развивались под воздействием традиций Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др., а также национальной духовной культуры абхазского народа. Сложный путь прошёл писатель от первого стихотворения «Первый арбуз» (1953) до «Кроликов и удавов», романа «Сандро из Чегема», который писал в течение десятилетий. Трудно пробивали себе дорогу к читателю многие его произведения. Некоторые из них, написанные в 70-х годах, стали известны только в конце 80-х годов («Кролики и удавы», «Сумрачной юности свет» и т. д.), другие печатались с большими сокращениями (сравним: в 1973 г. в «Новом мире» /№ 8–11/ «Сандро из Чегема» составляет 240 журнальных страниц, а в 70-х и начале 80-х годов американское издательство «Ардис» выпустило две книги романа в 800 страниц. В нашей стране полное издание романа в трёх книгах осуществлено издательством «Московский рабочий» лишь в 1989 г.).

Искандер начал как поэт и с конца 50-х до начала 70-х годов успел выпустить семь поэтических сборников («Горные тропы», 1957; «Доброта земли», 1959; «Дети Черноморья», 1961; «Летний лес», 1969 и др.). Ощущалось влияние журналистики, в которой работал поэт в 1954–1956 гг. В этот период, являясь сотрудником газет «Брянский комсомолец» и «Курская правда», он ездил по районам в качестве корреспондента, печатал статьи, очерки, фельетоны, заметки. Работа журналиста, позволявшая увидеть жизнь, как она есть, положительно сказалась на формировании позиции будущего автора сатирической повести «Созвездие Козлотура», романа «Сандро из Чегема»,

¹ См, в частности статьи: «Письмо друзьям» (Правда. 1990. № 336. 2 декабря. С. 1, 3; № 337, 3 декабря. С. 3); «Закон выше нации. Моё понимание того, что случилось в Абхазии» (Литературная газета. 1993. № 23. 9 июня. С. 11); интервью, выступления: выступление на круглом столе «СССР – наш общий дом» в редакции газеты «Правда» (Правда. 1989. № 93. 3 апреля. С. 3); «Глоток кислорода. Писатель Фазиль Искандер: “Художник должен сам свободно выбирать тот путь, по которому идёт”» (Беседу записал П. Спивак) // Московский комсомолец. 1989. № 118. 21 мая. С. 2); «Человек и его окрестности. Фазиль Искандер – Ирина Ришина. Разговор на фоне новой книги» (Литературная газета. 1992. № 36. 2 сентября. С. 3); «Искандер Фазиль: “Не только меня, но и таких людей, как Лев Толстой, никто не слушал...”» (Вёл беседу Д. Зантария) // Эхо Абхазии. 1994. № 8, август. С. 1–2; перепечатано из «Новой ежедневной газеты»; «Назад, в королевство кроликов?» (Интервью Фазиля Искандера. Вёл беседу В. А. Бигуаа и В. К. Зантария) // Журн. «Эхо Кавказа». М., 1995. № 2 /8/. С. 4–6); «Никогда не ощущал себя инородцем» (Беседа с Ф. Искандером; записала Т. Гузенкова) // Журн. «Этносфера». М., 1997. № 3 /5/. С. 18–19) и др.

эссе «Ценность человеческой личности» и других произведений. Упомянуть об этом необходимо хотя бы для того, чтобы понять характер связи публицистики писателя с его художественным творчеством. Именно поэзия и газетная публицистика молодого Искандера 50–60-х годов раскрывают сложный процесс становления внутренне свободной, цельной личности писателя, которая, постепенно освобождаясь от заманчивых «соблазнов» времени и господствующих установок, прокладывает собственный, оригинальный путь в литературу.

В 50–60-е годы Искандер-поэт особенно не выделялся в литературе. В некоторых стихах он не смог избежать упрощённого восприятия действительности, казалось, он плыл по течению, и оно могло унести его в море тенденциозной, фальшивой литературы. Это был период поисков и испытаний своих творческих возможностей. Своеобразна тематика статей, очерков и корреспонденций молодого журналиста, опубликованных в «Курской правде», «Брянском комсомольце», «Советской Абхазии» и других газетах. Например, «Решения остались на бумаге» (о недостатках в работе комсомольской организации колхоза «Память Кирова» Навлинского района) в соавторстве с А. Золотковым, «Колхозный учёный-новатор» (о директоре Шадринской опытной станции колхоза «Заветы Ленина» Курской области Т. С. Мальцеве), «Не поддерживают инициативу комсомольцев» (о создании комсомольско-молодёжного звена по выращиванию кукурузы) и т. д. Иногда очерки писателя становятся составной частью его художественных произведений. Так, очерк «О мудрости Застолья» (1968) позже вошёл в рассказ «Путь из варяг в греки».

С годами взросления Искандер, как отмечает Н. Б. Иванова, «освобождаясь от газетной публицистичности и “стихов на случай”, через древнюю языческую обрядность, возрождение и реабилитацию радостей плоти, ощущений, вкуса, аромата жизни, её конкретно-чувственного праздника, соединённых с философским познанием; через возрождение чувства Дома, товарищества, народной этики, соединённое с главным отрицанием лицемерия, доносительства, предательства, подлости, постепенно подходит к построению своего универсального художественного мира, равно принадлежащего взрослым и детям, прозе и поэзии. Абхазии и России» [2, 68].

Перед читателем предстаёт уже поэт — автор сборника «Путь» (1987), где собраны лучшие стихи Искандера прошлых десятилетий и поэтические произведения, написанные в 80-е годы; прозаик — создатель самобытного романа «Сандро из Чегема», философской сказки «Кролики и удавь», повести «Созвездие Козлотура»; публицист — автор содержательных статей и эссе «Человек идеологизированный», «Ценность человеческой личности», «Поэты и цари», «Моцарт и Сальери», «Государство и совесть», «Размышления писателя» и других произведений.

И в публицистике (особенно второй половины 1980–1990-х гг.) Ф. Искандера ощущается рука писателя с оригинальными взглядами и мыслями. К этому роду творческого наследия писателя можно отнести статьи, эссе и многочисленные интервью, которые печатались в газетах: «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Правда», «Известия», «Независимая газета», «Советская Абхазия», «Апсны», «Ецваджаа» («Созвездие»), «Эхо Абхазии»; журналах и альманахах: «Детектив и политика», «Огонёк», «Совершенно секретно», «Этносфера», «Акуа-Сухум» и др., а также в зарубежных изданиях, о которых известно мало.

Статьи и эссе можно разделить на две группы. Одна посвящена литературе, главным образом русской классике XIX — начала XX в. (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. В. Маяковский), некоторым писателям XX столетия (М. И. Цветаева, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак и др.), проблемам творческой личности и власти, идеологии и литературы и т. д. (статьи и эссе: «Моцарт и Сальери», «Поэты и цари», «Искренность покаяния порождает энергию вдохновения», «Слово о Пушкине», «Размышления писателя», «Пастернак и этика ясности в искусстве»).

В публикациях из второй группы писатель открыто, иногда не без иронии и сарказма, излагал свои взгляды на жизнь общества, власть, исторические личности, революцию и эволюцию, грузино-абхазские отношения и др., рассуждал о Свободе, Справедливости, Жалости, Рационализме, Совести, экономике и духовности (статьи и эссе: «Жизнь каждого народа уникальна», «Закон выше нации. Моё понимание того, что случилось в Абхазии», «Ценность человеческой личности», «Человек идеологизированный», «Письмо друзьям» и др.). Все эти вопросы в той или иной мере затронуты в интервью, беседах с Ф. Искандером.

В пределах одной статьи невозможно охватить всю публицистику писателя, остановимся на важнейших её пунктах.

В «Ценности человеческой личности» Искандер размышляет о сущности человека, о философии истории и государства, о свободе личности и психологии различных категорий людей. В эссе публицистика сочетается с образными решениями. Так, в начале, чтобы подчеркнуть истинную ценность человека, писатель сравнивает знаменитого физика Ферми со своим земляком Гераго. Здесь не важна достоверность фактов, главное — суть. «Говорят, — пишет он, — американские учёные, узнав, что правительство собирается сбросить над Японией атомную бомбу, всполошились и чуть ли не стали собирать подписи под обращением в правительство, чтобы оно этого не делало. Говорят, когда к знаменитому физика Ферми обратились с просьбой принять в этом участие, он отказался. — Что вы, ребята, — сказал он, — это же хорошая физика...» [4, 263].

Это — образ известного учёного. А далее автор сжато, но ёмко характеризует Гераго: «Говорят, Ферми — великий учёный. Феномен? По-видимому. А разве чемпион мира штангист Алексеев не феномен? Или мой земляк, мельник Гераго. . . Однажды он осторожно подсел под корову со сломанной ногой, приподнял её на плечах и вынес из оврага на ровное место» [4, 263]. И затем в заключение: «Если бы я был заведующим отделом кадров при Ноевом ковчеге и мне предстояло выбрать, кого взять в ковчег — Ферми или мельника Гераго, то я, не имея о них других данных, кроме изложенных. . . предпочёл бы всё же мельника, даже рискуя получить выговор от товарища Ноя за разведение семейственности во вверенном ковчеге» [4, 263].

Нравственность, духовная сила, «бессознательное сочувствие (жалость) ко всякой боли» как естественная черта характера и «сознательное выполнение долга», по мнению Искандера, — определяющие особенности гуманизма человеческого бытия. Он утверждал, что слова Горького о жалости, унижающей человека, «подлейшим образом долгое время использовались палачами», у них, наоборот, жестокость возвышает человека. «Ради спра-

ведливости надо сказать, — отмечает он, — что в контексте у Горького эта фраза (о жалости. — *В. Б.*) не имеет столь грубого конвоирского смысла. Но ради той же справедливости надо сказать, что романтические перехлёсты Горького, его пролетарское нищешанство во многом сыграло роль проповедей Ивана Карамазова для грядущих Смердяковых» [4, 264]. С этой точки зрения Искандер не принимал любую революцию и всякий кровавый переворот как историческую необходимость для развития человеческой цивилизации. Революция — это трагедия народа, уносящая миллионы жизней. «История безразлична к делам человеческим. Реке всё равно, что на ней ставят, — бойню или мельницу» [4, 269], — утверждал он.

Эти мысли писатель продолжает и в статье «Поэты и цари», впервые опубликованной в газете «Московские новости» в 1991 г. (№ 17. 28 апреля). Автор размышляет над значительным эпизодом из жизни Ф. М. Достоевского, который сыграл, считает он, особую роль в дальнейшей творческой судьбе великого писателя. Событие связано с эшафотом. Арестовывают петрашевцев, в движении которых участвовал Достоевский. Он попадает в тюрьму, приговорён к смертной казни, «которую в последний момент отменил Николай».

«О чём думал Достоевский в ожидании казни? — пишет Искандер. — Все гениальные мысли просты. Там, на эшафоте, за какие-то минуты до смерти, его, вероятно, поразила мысль о бессмыслице эшафота. Неудачная революция, хотя в данном случае её не было, приводит людей к эшафоту. Но удачная революция приводит к эшафоту тех, кого свергает она. И человек всей потрясённой душой перед смертью вдруг почувствовал несоизмеримость цели и платы для обеих сторон. Эшафот — тупик. Значит, и революционный путь — тупик. Где же выход?.. Раз человеку дана жизнь, ответ должен быть в самой жизни. . . Но если ты самую жизнь не уважаешь, как ты ради этой жизни идёшь на эшафот или тем более отправляешь другого? Жизнь не может сама себя приводить к эшафоту. Значит, это путь в сторону от жизни. . . Мне кажется, там, на эшафоте, как на последней странице задачника жизни, Достоевский увидел страшную ошибку любого революционного ответа».

Путь к счастью и гармонии человеческих взаимоотношений лежит через постоянную работу над самим собой, самосовершенствование. В XX в. «старый гуманизм, основанный на вере в прогресс цивилизации, демократии, социализма, оказался полностью разрушенным». Первая половина нашего столетия принесла «полную победу варварства и фашизма» [4, 266]. Предложенный Толстым путь — заниматься собственной душой — «оказался длинным, скучным и неинтересным».

«Но никому неохота было заниматься собственной душой и тем самым признавать своё несовершенство, всем охота было заниматься совершенствованием целого общества, страны, всего мира...» [4, 266].

В эссе Искандер также рассуждает о механизме создания образов врагов народа, о цивилизации, приучающей людей «осуществлять свою волю через вещи», загромождающей «душу властью этих вещей», об обществе, которое «сломало все социальные перегородки», где «честь и достоинство человека измеряются не честью и достоинством, а степенью самоотверженного служения социальной задаче» [4, 271], об общественной системе, основанной на силе, которая «как бы нарочно из чувства самосохранения вынуждена

время от времени проводить абсурдные кампании, хотя сама она, вернее, люди, её проводящие, могут и не воспринимать её как абсурд» [4, 272], об общественных идеях, которые автор делит на два типа — «рационалистическую» и «гуманистическую» и по-своему трактует содержание этих понятий. Рационалистические идеи, по Искандеру, несут «личинку смерти» (противоестественность природе человека), они предлагают конечную цель, быстрое прохождение от точки «А» до точки «Б», достигнув которой, человек якобы возобладает полным счастьем.

Гуманистическая идея, наоборот, «исходит из прямо противоположного принципа — не человек ради общечеловеческой цели и даже не общечеловеческая цель ради человека, а человек сам есть — цель всех усилий человека. Конечная цель человека — быть человеком, начальная цель человека — быть человеком» [4, 283].

Логическим продолжением эссе «Ценность человеческой личности» является статья «Человек идеологизированный», в которой писатель сосредоточивается на характерных особенностях «идеологизированного общества» и «идеологизированной личности», на трагических судьбах творческой интеллигенции. Он констатирует жестокость общества, в котором «идеологизированный человек отдаёт идеологии тайну своей жизни, свою истинную ценность, свою нравственную свободу, свою личность» [5, 8], а всякий, кто не может быть охвачен идеологией или не поддается идеологизации, «мгновенно угадывается как враг» [5, 8] и подлежит уничтожению. «У идеологизированного человека нравственное чувство постепенно атрофируется, оно полностью или почти полностью заменяется соображениями целесообразности по отношению к конечной цели» [5, 9]. В таком обществе «чем ближе человек находится к вершине власти, то есть к источнику идеологической радиации, тем труднее проявить гибкость и вовремя отменить неправильное решение» [5, 9]. Причины трагедий многих писателей, по мнению автора, коренятся именно внутри самой системы идеологизированного общества, в котором «свобода» личности писателя нужна авторитарному государству, поскольку она устраивает его и не противоречит официальным догматическим установкам.

Вообще, с моей точки зрения, проблема идеологии намного сложнее. Разве современная глобалистская либерально-демократическая идеология, которую часто навязывают всему миру силой, разрушая государства и уничтожая миллионы людей, чем-то отличается?.. Идеология бывает разная — левая, правая, либеральная, фашистская, националистическая, социалистическая, коммунистическая и т. д. Она присутствует везде: в жизни, экономике, государстве (страна без идеологии обречена), литературных течениях, отдельных произведениях. . . Но идеология, не базирующаяся на гуманистических принципах, испытанных веками духовных, нравственных ценностях, не учитывающая исторический опыт, культурные и этические традиции народов, опасна и разрушительна.

Фазиль Искандер критикует прошлое, советскую систему и идеологию, власть часто в русле своего стиля (с юмором, иронией), но он никогда не поливал грязью Советский Союз, народ, всё культурное (включая литературное) наследие советской эпохи, считая, похоже, что ненависть ослепляет человека, притупляет его разум; а это, как правило, приводит к необъек-

тивной, лживой оценке прошлого и настоящего, к повторению ошибок, но уже в другом идеологическом соусе. С писателем можно было согласиться или не согласиться, но он всегда был честен, не был карьеристом, не болел конформизмом, никогда не пытался пристраиваться к ситуации и извлекать материальную или иную выгоду.

Проблемы, затронутые Ф. А. Искандером в его публицистике советского времени, не исчезли и в постсоветской «демократической» России 1990-х гг., когда пришедшие к власти так называемые «реформаторы», придерживаясь рационалистической идеологии либерального капитализма, поставили экономику во главу угла в ущерб гуманизму и духовности, что привело к деградации государства и культуры, к падению нравственности, забвению таких важнейших элементов гуманизма, как Совесть, Честь, Стыд и т. д.

В это время Ф. А. Искандер написал статью «Государство и совесть», в которой он отмечал: «Сегодня Россия оказалась в центре кризиса мировой совести. . . Мы первые начнём, и за нами последуют так называемые благополучные государства, благополучие которых достаточно относительно» [6, 432]. Писатель считал, что экономика, даже развитая, без совести ни к чему хорошему не приведёт. «Главная ошибка нашего нового, демократического государства, из которой вытекают все его остальные ошибки, — писал он, — ...состоит в том, что власти. . . повторяют ошибку марксизма: экономика — базис, а всё остальное надстройка. Государство, которое живёт по этому закону, обречено на гибель. . . В таком государстве экономикой управляют не профессиональные экономисты, а идеологи от экономики. . . Экономика без базиса — совести — это зверинец с открытыми клетками, что мы видим сегодня у нас» [6, 429–430]. В конце статьи Искандер писал: «Никто никогда в европейской и русской истории не пробовал сделать совесть главным инструментом управления народом. Я не говорю единственным, я говорю — главным. Если бы мы имели возможность спросить у Бога: “Можно ли управлять людьми при помощи совести?” — Он бы ответил: “Я именно это предложил людям через своего сына, но никто из властителей не попытался”» [6, 436]. Ф. А. Искандер верил в гуманизм, который должен пронизывать все сферы жизни. Если этого не произойдёт, то никакой технический прогресс, высокое развитие экономики не спасёт человечество.

Фазиля Искандера, как мыслителя, невозможно отнести к каким-либо философским или общественным течениям, не был он и абсолютным приверженцем какой-либо идеологии. Писатель был, можно сказать, «чегемским» гуманистом мирового масштаба (здесь его я бы рассматривал вместе с такими фигурами, как У. Фолкнер и Г. Маркес), который в оригинальном стиле описывал жизнь земляков «на фоне вечности». При этом он всегда подчёркивал важность внутренней свободы для каждой личности, тем более творческой. По словам Искандера, сам он всегда стремился к свободе, боролся за неё. Об этом свидетельствует и «Баллада о свободе», написанная в 1984 г., но опубликованная лишь в 1990 г. [7, 5].

Произведение актуально и сегодня, ибо, как говорил сам автор в одном из интервью, «особых плодов свободы мы не видели тогда и не видим сейчас, когда она пришла в столь странной анархической форме: такая свобода не внушает больших надежд» [9, 6].

Для поэта свобода, с которой никогда не расставался, превыше всего:

«Как тот, что пил, на копё опершись, / и ел что придётся с копья, / Так я таскался с тобою всю жизнь / в лохмах надежд и репья», «Да будь ты горящей рубашкой на мне — тебя я не скину, мой друг!», «...Свобода сама играла во мне, как юмор и как вино. / Я улыбаться учил страну, и в первый миг сгоряча / Даже в Кремле улыбнулся один — и схлопотал строгача...», «Сумма улыбок, надеялся я, изменит характер страны».

С моей точки зрения, в интерпретации понятия «свобода» мысли Искандера во многом созвучны со взглядами Н. А. Бердяева. Видимо, универсальной формулировки свободы не существует. Для Искандера, как уже писали, важна внутренняя свобода творческой личности; «свобода должна расти изнутри», она не должна быть спущена «сверху», такую свободу и не трудно потерять, ибо она не является продуктом саморазвития, самосовершенствования личности. Н. А. Бердяев считал, что философию свободы понимают по-разному. Человечество изначально перенесло много страданий ради свободы. Одни хотят, чтобы у них был выбор между двумя дорогами, для других свобода — это борьба за личное счастье, иные посвящают себя претворению в жизнь той или иной идеи или пропаганды идеологии... С точки зрения Бердяева, в буржуазном обществе всё детерминировано экономикой и не полностью раскрывается свобода. А коммунистическое понимание свободы резко отличается от обычных пониманий.

«Мир, — писал философ, — стал пластичен и из него можно лепить новые формы. Именно это более всего соблазняет молодёжь. Каждый себя чувствует участником общего дела, имеющего мировое значение. Жизнь поглощена не борьбой за своё собственное существование, а борьбой за переустройство мира. Тут свобода понимается не как свобода выбора. . . а как активное изменение жизни, как акт, совершаемый не индивидуальным, а социальным человеком, после того, как выбор сделан. . . Только такая свобода, свобода коллективного строительства жизни в генеральной линии коммунистической партии, и признаётся в советской России» [1, 124].

Н. Бердяев не отрицал, что свободу нужно понимать и «как творческую энергию, как акт, изменяющий мир», но при этом неизбежно «отрицание свободы совести, свободы мысли» [1, 124].

В коммунистической России «понятие свободы относится исключительно к коллективному, а не личному сознанию. Личность не имеет свободы по отношению к социальному коллективу, она не имеет личной совести и личного сознания. Для личности свобода заключается в исключительной её приспособленности к коллективному» [1, 124–125]; отрицается и свобода религиозной совести.

Вместе с тем Н. А. Бердяев признавал, что «в коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому» [1, 125]. Но в русском коммунизме, считал он, человек превращён в орудие и средство революции и идеологии. По его мнению, не коммунистическая экономика враждебна свободе духа (ибо эта экономика может быть нейтральна), а «коммунистическая религия», которая противопоставляет себя христианству и ведёт грубую атеистическую войну. Бердяев удивлялся

такому противопоставлению и отмечал, что «русский коммунизм» — «ложный коммунизм».

Н. А. Бердяев был убеждённым сторонником свободы личности, не мнимой, а настоящей. Проблема личности непосредственно связана с проблемой свободы. По его словам, свобода — это «независимость личности», внутренние факторы (духовные, моральные и т. д.), определяющие поведение человека; свобода — это творческая сила личности. Со свободой связана тема человека и творчества. Враги свободы всегда пытаются противопоставить ей иную, самую справедливую, с их точки зрения, истину. Однако спущенная сверху такая свобода, полагал философ, для него ничего не значит. Истина постигается духовно; её можно понять только через свободу. Свобода, как часто говорил и Ф. А. Искандер, «должна расти изнутри».

Однако свобода — тяжёлая ноша, не все могут её с честью нести, ибо ей всегда сопутствуют горе и страдания. «Люди легко отказываются от свободы», дабы не осложнять свою жизнь. Вообще, большинству человечества, с сожалением отмечал Бердяев, свобода не нужна, она не выгодна. Но философ всегда боролся за свободу личности. Именно эта позиция была близка Ф. А. Искандеру. Вместе с тем всё творчество писателя свидетельствует о том, что для него свобода без духовной основы никакой ценности не представляет и опасна. Его понимание свободы, с моей точки зрения, никакого отношения не имеет к философии индивидуализма и эгоизма, рационализма и экономической целесообразности, активно распространяющейся в современном мире некоторой «цивилизованной» и агрессивной частью человечества. Не может быть свободы без таких ценностных категорий, как Совесть, Человечность, Честь, Стыд, Терпимость, Жалость, Доброта, Любовь к ближнему и т. д., которые являлись неотъемлемыми элементами жизни и этической культуры истинных чегемцев — героев произведений Ф. А. Искандера.

В статьях, эссе и интервью Ф. А. Искандер затрагивал многие другие важные и острые проблемы прошлой и современной жизни, литературы и культуры. Писатель не обошёл стороной и национальные конфликты, и проблемы войны и мира в Абхазии. Однако это темы будущих исследований.

Очевидно: публицистика — важная часть творческого наследия Фазиля Искандера. Сегодня есть необходимость начать работу по собиранию и изданию статей, эссе и интервью писателя, опубликованных в российских и зарубежных газетах, журналах и других изданиях. Несомненно, это издание должно быть академическим с подробными комментариями, указателями и т. д. Не менее важно уже сегодня (ещё не поздно) приступить к собиранию воспоминаний современников Ф. А. Искандера, среди которых немало ныне известных отечественных и зарубежных деятелей культуры и науки, писателей и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. (Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955.) М. : Наука, 1990. 224 с.
2. *Иванова Н.* Смех против страха, или Фазиль Искандер. М. : Советский писатель, 1990. 320 с.
3. Искандер Фазиль: «Не только меня, но и таких людей, как Лев Толстой, никто не слушал...» (Вел беседу Д. Зантария) // Газ. «Эхо Абхазии». 1994. № 8, август.

4. *Искандер Ф.* Ценность человеческой личности // Детектив и политика. М. : Новости (АПН), 1990. Вып. 2 (6). С. 263–294.
5. *Искандер Ф.* Человек идеологизированный // Огонёк. 1990. № 11, март. С. 8–11.
6. *Искандер Ф. А.* Ласточкино гнездо: Проза. Поэзия. Публицистика. М. : Фортуна Лимитед, 1999. 440 с.
7. *Искандер Ф. А.* Баллада о свободе // Литературная газета. 1990. № 20. 16 мая. С. 5.
8. *Ласуриа М.* Границы слова. Сухуми: Алашара, 1973. 184 с. ; на абх. яз.
9. Назад, в королевство кроликов? (Интервью Фазиля Искандера. Вели беседу Вяч. А. Бигуаа и Вл. К. Зантария) // Журн. «Эхо Кавказа». М., 1995. № 2 (8). С. 4–6.
10. «Никогда не ощущал себя инородцем» (Беседа с Ф. Искандером; записала Т. Гузенкова // Журн. «Этносфера». М., 1997. № 3 (5). С. 18–19.

REFERENCES

1. *Berdyayev, N. A.* Istoki i smysl russkogo kommunizma. (Reprint reproduction. YMCA-PRESS, 1955) [The Origins and meaning of Russian communism]. М. : Nauka, 1990. 224 p.
2. *Ivanova, N.* Smekh protiv strakha, ili Fazil' Iskander [Laughter against fear, or Fazil' Iskander]. М. : Sovetskiy pisatel', 1990. 320 p.
3. *Iskander Fazil'.* "Ne tol'ko menya, no i takikh lyudey, kak Lev Tolstoy, nikto ne slushal..." (conducted by D. Zantariya) ["Not only me, but also people like Lev Tolstoy, no one listened"] // Ekho Abkhazii. 1994. № 8, August. P. 1–2.
4. *Iskander, F.* Tsennost' chelovecheskoy lichnosti [The Value of the Human Person] // Detektiv i politika. М. : Novosti (APN), 1990. Vols. 2 (6). P. 263–294.
5. *Iskander, F.* Chelovek ideologizirovanny [The Ideologized Man] // Ogonek. 1990, № 11, March. P. 8–11.
6. *Iskander, F. A.* Lastochkino gnezdo: Proza. Poeziya. Publitsistika [Swallow's nest: Prose. Poetry. Publicism]. М. : Fortuna Limited, 1999. 440 p.
7. *Iskander, F. A.* Ballada o svobode [The Ballad of Freedom] // Literaturnaya gazeta. 1990. № 20, 16 May. P. 5.
8. *Lasuria, M.* Granitsy slova [Limits of the Word]. Sukhumi: Alashara, 1973. 184 p.
9. Nazad, v korolevstvo krolikov? [Back to the Rabbits' Kingdom?] (Interview with Fazil Iskander by A. Biguaa and VL. K. Zantaria) // Ekho Kavkaza. М., 1995. № 2 (8). P. 4–6.
10. Nikogda ne oshchushchal sebya inorodtsem [I never felt like a foreigner]. Conversation with F. Iskander; recorded by T. Guzenkova // Etnosfera. М., 1997. № 3 (5). P. 18–19.